

Творческое наследие Г. Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания: Г.Г. Шпет / *Comprehensio*. Пятые Шпетовские чтения: Сборник статей и материалов международной научной конференции 1–5 декабря 2008 г. / Отв. ред. – О.Г. Мазаева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 364 с.

М.К. ГИДИНИ (М.С. GNIDINI)

Парма, Италия

Философии жизни и шпетовское наследие у авторов ГАХН

Несмотря на полемическое осуждение «переживальщиков»¹, интерес Шпета к немецким философиям жизни на рубеже XIX и XX вв. широко является в его философских работах, с одной стороны (прежде всего в «Истории как проблеме логики» и в ее продолжении — «Герменевтике и ее проблемах»), и с другой — в его деятельности в рамках ГАХН. Типологическое мышление Дильтея, проект Шпрангера о культурной морфологии, выдержанный в антишпенглеровском духе, равно как стремление Зиммеля к философии чистой видимости, способной примирить жизнь с формами ее выявления, представляют собой плодотворную почву для исследований гахновской «шпетовской школы».

Гуссерлианский отпечаток в шпетовском творчестве является неоспоримым фактом, этому посвящена обширная литература. Влияние Дильтея также не было обойдено вниманием исследователей, как и в случае Гуссерля, ведь сам Шпет направляет своего читателя, щедро цитируя авторов².

В философии Шпета герменевтическая традиция и феноменологическая мысль как будто «отстаивались» и создавали органическую и завершенную систему. Гуссерль и Дильтей представляют собой как бы два полюса — феноменологию и герменевтику — две великие традиции, к которым Шпет критически обращается и часто использует в качестве корректива³.

¹ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. (Шпет Г.Г. Искусство как вид знания) // Избр. труды по философии культуры, М.: РОССПЭН, 2007. С. 192.

² При этом не только Дильтей является постоянной точкой отсчета в шпетовской философии, но и его книга «Описательная психология», опубликованная в России под ред. самого Шпета. Дильтей В. Описательная психология: Пер. с нем. Е.Д. Зайцевой / Под ред. Г.Г. Шпета. М.: Русский книжник, 1924.

³ Н.С. Плотников приписывает подобный пристальный ранний интерес к Дильтею именно «несколько остранным» положению, которое он с самого начала за-

По этому поводу особенно интересно проследить дискуссии о гуссерлианстве в собраниях философского отдела ГАХН непосредственно после выхода «Эстетических фрагментов»¹. Там «проблема» о Гуссерле возникает в связи с семиотической функциональностью языка (его отношением к предметности) и эмблематично, в частности, с вкладом субъективного момента в конструирование смысла. 15 декабря 1925 г. Аполлинария Соловьева, например, читает доклад о грамматике и об отношении грамматики к логике, и хотя эта постановка вопроса ясно исходит от Гуссерля и Шпета (в ключевом разделении *Zeichen* и *Anzeichen*, знак и признак, в понятии выражения как нужного соотношения с предметностью и в утверждении устойчивой единичности смысла), она критикует немецкого философа за его чрезмерное грамматизирование смысла, которое приводит к отвлеченной чисто интеллектуалистской трактовке языка и к пренебрежению его конкретно-социального измерения. Единственным выходом из этого положения для Соловьевой является понятие структуры, как она представлена во втором выпуске «Эстетических фрагментов»².

Итак, структура. Несомненно, Шпета отнюдь не интересует философско-виталистическая риторика немецкого историзма и философии жизни. Он ищет такую модель знания, которая в состоянии эпистемологически обосновать гуманитарные дисциплины, и его не могло не привлекать значение, которое эти философы придают истории в связи с их поисками основной науки как воз-

нимал по отношению к феноменологии (Плотников Н.С. Антропология или история. Полемика Г.Г. Шпета с В. Дильтеем по поводу оснований гуманитарных наук // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. Языки славянских культур. М., 2006. С. 171–186), и замечает, что сам Шпет внушает эту мысль, когда в «Истории как проблеме логики» размышляет о своей книге «Явление и смысл».

¹ Ядро философского отдела состояло прежде всего из нескольких молодых ученых, собравшихся вокруг Шпета, той «молодой московской лингвистической школы, группирующейся под знаменем «Эстетических фрагментов», как в 1925 г. выразилась Розалия Шор. В действительности это была намного больше чем «лингвистическая школа», как со временем стало ясно из крайнего разнообразия вопросов, поднятых в работе отдела.

² РГАЛИ. Ф. 914. Оп. 14, ед. хр. 22, л. 17–20. Доклад А.К. Соловьевой: «Систематический анализ грамматики». Второй выпуск «Фрагментов» был настолько важным в этом кружке, что ему посвящалось несколько встреч. См., например, доклад Р.О. Шор «Новая система теоретической лингвистики (по поводу II выпуска «Эстетических фрагментов» Г. Шпета) (24.1.1924)». РГАЛИ. Ф. 914. Оп. 14, ед. хр. 15, л. 30 сс.

можно обоснования наук о духе; при этом история рассматривается Шпетом как раз в силу ее лингвистичности и структуральности¹.

Как неоднократно замечает Шпет, специфика гуманитарных наук, их отличительный метод основаны на их предмете, человеке, на уникальном совпадении объекта и субъекта. Психология и история, внутренность и его понимаемая и выражаемая объективизация становятся, следовательно, ключевыми понятиями и для нового обоснования наук о духе. Сама структура² Академии художественных наук каким-то образом имеет принципиальную мотивацию в проблематичном (вплоть до апории) отношении между психологией и социальными науками: Шпет выдвигает на первый план характерный для этого отношения «порочный» круг против позитивистской идеи о некоей иерархии и классификации наук (Конт) и как бы теоретически оправдывает их круговое расположение, некий герменевтический кружок и в отношениях связующих наук, обуславливая этим саму конкретную деятельность ГАХН: «Положение психологии, действительно, совершенно своеобразно: она может быть построена и доведена до конца только после изучения социальных наук, с другой стороны, эти последние нуждаются в психологии, так как главный источник для их изучения нуждается в психологической интерпретации... Для того чтобы избежать здесь обычной «психологической путаницы, надо отказаться от идеи линейного распорядка наук, с легкой руки Конта, укorenившейся как кака-то *idee fixe* современной философии...»³

Шпет сталкивается здесь с запутанным узлом вопроса о субъекте и индивидуальности, который он стремится распутать, тем самым отдаляясь от Гус-

¹ «Ибо основная тема, в рамках которой у Шпета возникает интерес к Дильтею, состоит в определении самостоятельного, логического и методологического фундамента гуманитарных наук». *Плотников Н.С.* Антропология или история... С. 171.

² В самом деле понятие структуры являлось настолько ключевым для гахновцев, что даже конкретная организация академии рассматривалась как органическая система переплетающихся веток: «По общему плану, положенному в основу организации академии, деятельность последней должна развиваться в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном. Первое направление имеет целью изучение искусства со стороны его элементов, исследование его социальной природы и, наконец, подход к ней со стороны его теоретического обобщения. Для достижения этих целей при академии организованы три отделения: физико-психологическое, социологическое и философское /.../ Три горизонтальные линии — линия изучения элементов, линия социологического исследования и линия теоретического обобщения — пересекаются рядом вертикальных линий по видам искусства: литература, театр, музыка, пространственные искусства и т.д.». *Кондратьев А.И.* Российская академия художественных наук // Искусство. 1923. Т. 1. С. 414, 420.

³ *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования: В 2 ч. / Под ред. В.С. Мясникова (Памятники исторической мысли). М., 2002. 1168 с.

серля, чтобы, при всех его осторожных оговорках, приблизиться к Дильтею и его последователям. Именно этот вопрос с начала 20-х годов находится в центре живой дискуссии, которая затрагивает самые разные сферы и дисциплины. В этой связи представляется весьма многообещающим исследование эволюции этого вопроса в гуманитарных науках 20-х годов и особенно в той философской *koine*, какую ГАХН представлялась в те годы.

Это поможет рассмотреть тот клокочущий русский период в более широком европейском контексте, тесно связывая постреволюционную Россию с современной Европой и показывая, что культурная область была действительно последней «цитаделью идеализма», которая пала под ударами тоталитаризма. Книжки и оживленные личные контакты поддерживали действующие интеллектуальные связи и культурную окружающую среду, которая подпольно приносила свои плоды и в самые темные годы террора в разных трудах бывших сотрудников академии.

Кроме того, исследование предпосылок — предшественников и почвы, на которой развивалась работа гахновцев, — позволит сфокусировать внимание на их теоретических основах, понять глубинную мотивацию некоторых весьма специфических интересов и осмыслить определенную установку академии, которая, несмотря на разнообразие круга своих изысканий, сохраняла всегда некую плотность, солидарность, системность в своей организации.

Даже если в своей методологической строгости Шпет критикует смешение Дильтеем онтологии и психологии, его поиск непсихологической подосновы, на которой нужно строить основную науку, несомненно проистекает из пути, намеченного Дильтеем, как будто немецкий философ был отправной точкой, указанием, которое стоит развить¹. И первым необходимым шагом Шпету представлялось очищение теории Дильтея от психологистической подоплеки.

Тем более, что подобное стремление преодолеть психологизм подразумевалось уже Дильтеем и его школой и сказывалось, в частности, в его идее структуры, так что не случайно у Шпета именно она становится основой феноменологического описания семиотического процесса, начиная с «Эстетических фрагментов». Критика Дильтеем психологии элементов, которая копирует расчленяющий метод естествознания, и признание пользы структурной психо-

¹ «...принципиальный путь, на который он (Дильтей) встал, есть правильный путь /.../ В сущности, ведь Дильтей дает только «программу», да и то очень бурную, для дальнейшего развития герменевтики, она еще должна быть выполнена. /.../ Ввиду особой заслуги Дильтея в указании роли герменевтики и в особой психологической интерпретации, мы ограничимся, хотя и кратким, изложением основных его мыслей, так как они нуждаются не столько в критике, сколько в дальнейшем развитии их». Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 1070—1078.

логии создают плодотворную основу для последующих шпетовских поисков. Поскольку систематическое научное знание не может покоиться просто на переживаниях и на их непосредственности, оно, как рефлексия над переживаниями, имеет своим средством особую диалектику понимания — истолкования — выражения. То, что гарантирует саму возможность процесса понимания, есть идея некоего целого, некоей связи, которая объединяет все переживания в единстве, в существенной структуре опыта, которая именно в силу своей системности поддается познанию¹.

Итак, преодолевая традиционную психологию, немецкий философ вводит объективный исторический метод и опирается на опосредованное знание. До семиотической точки зрения шаг короток. В действительности же его психология развивается из внешнего, чтобы проникнуть в самые сокровенные внутренние тайники, до которых интроспекция не доходит, хотя бы потому, что она не сообщается, если не объективируется в системе знаков². Идея структуры и понимания (герменевтическая деятельность, толкующая знаки и приводящая их к структуре целого) превосходит, таким образом, психологическую сферу.

«Тут мы встречаемся с основным различием познания природы и наук о духе; предмет наук о духе не есть данное чувствам явление, а сама внутренняя действительность; но только при сравнении себя с другими я получаю опыт о своем индивидуальном, но чужая индивидуальность дана мне только в чувственных фактах, жестах, звуках, действиях извне. Как возможно это познание чужой индивидуальности? «Мы называем процесс, в котором мы из знаков, данных нам извне чувственно, познаем внутренне...»³

Итак, структура становится у Дильтея, и особенно у его ученика Эдуарда Шпрангера, культурным анализом и эпохальным диагнозом, благодаря также понятию *типа* (*Types of Men*, так сам Шпрангер хотел назвать английскую версию своей книги «*Lebensformen*»⁴). Шпрангер развивает понятие *Zweckzusammenhang*, некоей структуры, телеологически направленной к аксиологической области при сверхиндивидуально нормативном сознании; его

¹ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. Мысль и слово // Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2005. С. 386–387.

² Там же. С. 382–396.

³ Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 880.

⁴ Spranger E. *Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit*. Halle: Max Niemeyer, 1914. Эта книга есть в списке книг, посланном Гуссерлем Шпету приблизительно в 1921 г. Там находятся, кроме томов из собрания сочинений Дильтея, указания на последнюю книгу Зиммеля «*Lebensanschauung*» и очерк Риккерта о философии жизни 1920 г. «*Die Philosophie des Lebens*». Список опубликован Т.Г. Щедриной в сборнике «Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания» (С. 405–406).

превращенная в науку о духе психология есть нечто большее, чем простая психология¹. Прежде всего именно из-за значения, которое он придает истории. Он твердо убежден, что чистый природный момент является неуловимой фикцией и что интроспекция сама по себе не может быть эвристическим методом, поскольку до своей объективации она несообщаема. Подобно Шпету Шпрангер, таким образом, рассматривает историю как вечную объективизацию жизни и в типологии находит эпохальный отклик на вырастающую сложность западной цивилизации и на релятивизм, из нее вытекающий².

В своей работе по психологии «Lebensformen» (1914) он вписывается в герменевтическую до-хайдеггерскую традицию, которая именно в типизации искала эпистемологическую опору для понимания. Тип как посредник между индивидом и нормой, как обращение к вопросу о внутренней форме³ не уводит нас к скрытому платонизму, но скорее склоняется к регулятивной кантианской идее, некоему техническому компаративному пособию. У Шпрангера Шпет ценит его принципиальный отказ от каузального объяснения истории посредством психологических процессов, равно как его системно-структуральный подход: «понятийная (verständliche) необходимость отдельного процесса, вырастающая из отнесения его к целостной структуре и в связи с ней, простирается дальше лишь объясняющего (erklärende) упорядочения. Историк, как и всякий заинтересованный в познании духовной и душевной жизни, носит в себе сознание целого и *понимает* всякий отдельный процесс из его включенности в общую систему и из его значения для этой последней»⁴. Тем самым он выдвигает на первый план вопрос о понимании во всех науках о духе.

Критика Шпетом Дильтея и его школы затрагивает большую точку и в размышлении самого Шпета — вопрос о личности. По Шпету, подход Дильтея, как и Шпрангера, проблематичен, поскольку он чисто персонально-индивидуален.

Когда речь идет о понимании таким образом, у двух немецких философов первая цель процесса является несомненно личностью, так что и все остальные

¹ «Шпрангер подводит под теорию познания вообще и, следовательно, под методологию исторических наук в частности откровенно психологическое основание. Но, как отмечено, он привлекает для этой цели не отвлеченно объяснительную психологию, а ту sui generis описательную психологию, идею которой защищал Дильтей». *Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы...* С. 386.

² В этом смысле, пожалуй, не случайно оба мыслителя полемизируют со Шпенглером и с его цикличной теорией, которая в конечном счете уничтожает смысл истории.

³ Не надо забывать, что и Шпрангер, как и Шпет, посвятил книгу Гумбольдту: *Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*. Berlin: Reuther-Reichard, 1928.

⁴ *Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы...* С. 387–388.

историко-социальные факты рассматриваются и познаются в основном по аналогии с пониманием самой личности.

Естественно, что проблема переживания открывает вопрос «о личности, индивидуальности как источнике творчества»¹ и не случайно в философском отделе ГАХН велось много споров особенно о темах психологизма и личности.

Если понимать на самом деле значит только *сопереживать*, неизбежно значимость понимания сводится к пониманию индивидуального начала, тогда как в случае социальных предметов, например, оно бессильно и должно уступить место трансцендентально-метафизической гипотезе, очевидно, неприемлемой Шпетом («но само государство не переживается!»²), для которого, впрочем, с подобной точки зрения теряется и возможность проникнуть в тот особый предмет, который представляет собой личность. Она в самом деле не чисто психологическое явление, а является социальной вещью, «фактом». «“Типы”, “структуры” и “отношения”, внимание к которым — важная заслуга дильтеевской описательной психологии, теряют в таком случае значение *sui generis* социальных “вещей”»³.

По этой причине Шпет совершает значительный терминологический сдвиг и отказывается от выражения «науки о духе» (с его ясным психологическим привкусом⁴), предпочитая науки об историко-общественной действительности: «Таким образом, в результате мы получаем, что призванная служить основанием психология сама извлекает свои объекты из исторически-общественной действительности. Это принуждает к некоторой перемене фронта и заставляет противопоставлять науки о природе не «наукам о духе» в собственном смысле, а именно наукам об историко-общественной действительности, что в свою очередь ставит уже в ложное положение психологию»⁵.

Однако, как уже сказано и как признает Шпет, сам Дильтей вполне осознает проблематичность своего положения. Во введении к своей последней книге «Die Geistige Welt: Einleitung in die Philosophie des Lebens»⁶ он ставит

¹ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы... С. 382.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 388.

⁴ Однако когда Шпет говорит о «духе», он опять широко ссылается на Дильтея. «“Дух” есть как бы эхо этого жизненного многообразия. Он не подразумевается в качестве некой идеальной сущности, а скорей конкретной реальности “типа”, как коллективного единства». Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию (Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды). М.: РОССПЭН, 2006. С. 466–467.

⁵ Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 888.

⁶ Dilthey W. Die geistige Welt: Einleitung in die Philosophie des Lebens. Leipzig; Berlin: B.G. Teubner, 1924.

вопрос о расплывчатом переходе из субъективности к объективности (хотя надо иметь в виду, что его понятие объективности, пожалуй, более похоже на разделенную субъективность, чем на реальное обращение к предметному миру) и старается очертить принципиальное различие личного от субъективного. В этом смысле, например, поэзия Гете — персональна, личностна, но не субъективна, как раз потому, что она пребывает в области типического. Между прочим, даже выбранный Дильтеем пример (поэзия и Гете) не случаен и найдет свое эхо у Шпета и вообще в ГАХН.

Шпет, однако, выбирает другой путь и старается «объективизировать» самого субъекта и заменить *со-знание* о нем целенаправленным предметным *по-знанием*. Как раз то, что может констатироваться как своего рода объект, это именно направляемость субъекта, его интенционная открытость внешнему миру предметов. Речь здесь идет о том «непсихологическом интересе к психологии», который Шпет ценит и заимствует от Зиммеля и который является эвристической основой многочисленных исследований ГАХН¹.

Итак, именно трудно научно определимое понятие о личности поднимает герменевтический вопрос и в некотором смысле Шпет уже у Дильтея находит выход из психологической апории: в книге «Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften» (1910) немецкий философ обогащает полярность переживание/понимание другим элементом — выражением². Выражение отсылает к иному плану, гарантирующему психическую жизнь от утопления во временном становлении и в туманности непосредственности. И даже если, как правильно замечает Плотников, переживание дильтеевской школы все же на-

¹ Самым характерным примером этого подхода, пожалуй, является очерк Г.О. Винокура о биографии «Биография и культура» (М.: ГАХН, 1927). Уже со времени докладов, прочитанных им при философском отделе ГАХН («Биография как научная проблема») и при ГИИИ («Проблема литературной биографии») в 1924 г., Винокур старается очистить термин «биография» от психологических остатков. Ему важно поставить проблему биографии как проблему специфической, независимой науки, с собственным предметом изучения («специфическая сфера творчества, содержание которой составляет не что иное, как личная жизнь человека». С. 9). Таким образом, он отрицал психологическую природу биографии и призывал считать её культурно-историческим фактом, специфической сферой творчества, содержание которой составляет нечто иное, чем личная жизнь человека. Биография, таким образом, считается формой творчества, стоящей рядом с искусством, политикой, наукой и философией... Надо отметить, что опять подобное творчество отсылает нас к «Sichbilden», которое мы находим в «Lebensformen» Эдуарда Шпрангера.

² «Кругообращение: переживание — выражение — понимание есть тот пункт, от которого надо теперь отправляться». *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы... С. 396.

ходит свое *prius* в субъективности и в личном начале¹, в этой диалектике посредственности-непосредственности поздний Дильтей в конечном счете привилегирует первый полюс в утверждении существенности выражения и для самого существования переживания. Оно в самом деле не существует и не понимается, если не выражается. Одновременно понимание как переход от внешнего к внутреннему не может обойтись без выражения этого внутреннего. Вот здесь, согласно Шпету, Дильтей открывает плодотворный дискурс о семиотическом обосновании гуманитарных наук, в частности о герменевтике во всех ее формах, некоего рода семиотике, возведенной в квадрат, метасемиотике, где знак изучается именно как знак: «Но интерпретация и идея герменевтики и науки (технической) о понимании выступает там, где мы самые знаки делаем особым предметом изучения, — прежде всего, следовательно, при изучении речи как наиболее универсального знака, поэтому впервые и возникает филологическая интерпретация, как только мы изучаем речь как речь. Точно так же можно подметить необходимость интерпретации во всех случаях, где знаки изучаются как знаки, — это вообще область социального: право, политический строй, экономический, церковь, наука и т.д.»²

Итак, Шпет готов уловить точку пересечения психологического и семантического, т.е. то затаенное место, где, в глубоком ядре языка, согласно Гумбольдту, смысл встречается с чувственным и эмпирическим.

Следовательно, как уже отмечалось, Шпет ищет корректив «объективно-исторического» типа как своего рода отвлеченному формализму Гуссерля, так и возможному психологическому риску герменевтики, считая, что подобный корректив уже содержится, хотя и двусмысленно, в размышлении самого Дильтея.

Онтологизм и гуссерлианская конститутивная нозматическая установка четко сказываются в этой потребности объективно обосновать отношение я и мира и в соотносительной природе уразумения реальности. Но поле приложения здесь, очевидно, уходит к Дильтею, особенно в понимании жизни и ее объективизации в истории как динамической связи, которая содержит в себе бесчисленные другие связи³.

¹ «Иными словами, согласно Дильтею, из гуманитарного знания неустранима перспектива первого лица». *Плотников Н.С.* Антропология или история... С. 179.

² *Шпет Г.Г.* История как проблема логики... С. 886. Или в письме Д.М. Петрушевскому от 16.4 (6.5) 1928: «“Историк дважды филолог”» /.../ *Вещи (realia)* филолога для историка все еще только *знаки, слова, символы*. Шпет Г.Г. Жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Под ред. Т.Г. Щединой. М.: РОС-СПЭН, 2005. С. 450.

³ Еще раз можно прибегнуть к труду Г.О. Винокура тех годов, чтобы показать, настолько важен был подобный дильтеевский подход у последователей Шпета

Итак, если, с одной стороны, субъект не ограничивается эмпирической психологической реальностью индивидуума, то, с другой — не может быть только «философской предпосылкой» или просто неким «имярек», который прикрывает его понимание как чистую коррелятивную функцию, некое формальное единство, которое соединяет поток переживаний, как у Гуссерля в пятом разделе «Логических исследований»¹, вполне естественно, что перед Шпетом субъект философски ставится как «проблема», как трагически скользкое понятие. И это сказывается как раз в самом ядре его теории знака и прежде всего в проблематичности его понимания экспрессии как некоего рода атмосферы, которая сопровождает собственный семиотический акт, но которая не является с полным правом участвующей в акте референции, т.е. в процессе осуществления смысла. В самом деле, под жгучим вопросом выражения и экспрессии прячется нерешенная проблема участия субъекта как определенного и личного индивида в семиотическом (или семасиологическом — по терминологии Шпета и в общих чертах ГАХН) акте. По этому поводу много дискутировали в академии².

в ГАХН. В книге «Культура языка» (1925) он как бы закладывает основы для своей будущей филологической деятельности и делает это в чисто дильтеевских терминах: он, например, вводит сугубо структуральное понимание *сopris*, в котором основной является идея о герменевтическом круге части-целого: «...собрание сочинений, другими словами, образует особого рода контекст, в отвлечении от которого отдельная часть его не может быть истолкована». При этом он использует дильтеевскую «идею конкретной филологии как интерпретации и критики выражения — вот оружие против романтического своеволия и скептического субъективизма: таково верное заключение Дильтея» не только против недостатков пресловутого субъективизма, но как полемическое орудие против науки «голых фактов» формализма. *Виннокур Г.О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925. С. 132.

¹ Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis...* С. 270, 292.

² См. в особенности доклад Р.О. Шор от 27.1.1924 «Новая система теоретической лингвистики (по поводу II выпуска «Эстетических фрагментов» Г. Шпета)». (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14, ед. хр. 15, л. 30–35) и два выступления А.К. Соловьевой от 3.11.1925 «В каком смысле экспрессия есть предмет лингвистики» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14, ед. хр. 22, л. 8–10) и от 7.12.1926 «О взаимоотношении экспрессии разговорного и литературно-художественного языка» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14, ед. хр. 27, л. 13–16). Эти ученые требовали более точного определения специфичности экспрессивной формы и ее отношения к осуществлению смысла и, соответственно, усмотрения вклада субъекта — говорящего и творящего — в таком процессе (см. тоже: *Бюллетень ГАХН.* 1926. № 2–3; *Щедрина Т.Г.* «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 217–220). А.К. Соловьева очень четко выражает свое мнение

Отсюда центральное место занимают вопросы о личности в дискуссиях второй половины 20-х годов, в частности по поводу весьма тогда популярных тематик: театральность (пожалуй, царство экспрессии и ее коррелятных понятий, таких как *стиль, поведение, жест*), биография¹ и портрет. Для всех этих вопросов особенно важной становится теоретическая инструментовка, выработанная именно в русле философии жизни, где индивидуальное начало как будто освобождается от призрачности формализма и трансцендентализма, как и от тяжести эмпирической делимой материи позитивизма. При этом предложенное для субъекта Дильтеем и его последователями структуральное единство, как казалось, избегает его произвольной метафизической субстантивизации, тем самым спасая от растворения в процессе становления².

Среди немецких философов, нас интересующих, особенно выделяется Г. Зиммель, чьи очерки о театре, особенно «Zur Philosophie der Schauspielers» (1908) или «Der Schauspieler und die Wirklichkeit» (1912)³, и о портрете (в том числе и его книга, посвященная Рембрандту) и чей культ о Гете глубоко влияли на авторов-гахновцев. А.Г. Габричевский, между прочим, перевел его книгу о Гете (1913) в 1928 г. для издательства ГАХН⁴ и вслед за ним⁵ писал и о

и в письме, написанном Шарлю Балли в 1927 г.: «Как ученица Шпета я признаю его философские дистинкции /.../, но я совершенно несогласна с его идеями об экспрессивности, мне кажется, он склонен интеллектуализировать язык». *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 317 (фр. оригинал там же. С. 313).

¹ Выше уже цитировались работы Винокура по биографии. Я позволю себе отсылать к своим статьям по этому вопросу: Проблема личности между феноменологией и историей: влияние Густава Шпета на работы Григория Винокура двадцатых годов // Шпет и философия XX века / Под ред. О.Г. Мазаевой. Томск, 1999. С. 163–174 и Trois publications du Département de Philosophie du GAKhN // M. DENNES (éd.), Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique, Slavica Occitania. 2008. 26. P. 109–125.

² См., как Шпет ссылается на понятие типа Зиммеля, который «не есть какой-либо особый реальный носитель душевных свойств, а есть некая идеальная конструкция /.../ Тип не носитель в смысле субстанции...» *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию... С. 484.

³ *Simmel G.* Gesamtausgabe, Suhrkamp. Frankfurt am Main, 1993. Т. 8. С. 424–432; 2001. Т. 12. С. 308–323.

⁴ *Simmel G.* Goethe, Klinkhardt und Biermann. Leipzig, 1913. Не случайно Зиммель был одним из важнейших создателей мифа о Гете в Германии начала XX в.

⁵ *Simmel G.* Rembrandt. Ein kunstphilosophischer Versuch, Wolff. Leipzig, 1916. Работая над Рембрандтом, Зиммель подводит итоги своего размышления о времени, движении, форме и индивидуе. В их переплетении как раз он создает свою *Lebensphilosophie*, для которой жизнь не отделяема от ее содержания, она сама и есть текущий через это содержание процесс, динамика его развертывания. Рем-

Рембрандте¹, который, согласно прочтению Зиммеля, своим революционным подходом к портретированию поднимал проблему устойчивости личности в развертывающемся во времени потоке переживаний.

Именно из подобного круга проблем исходят авторы «Искусства портрета» — коллективного сборника о портрете, который может служить наглядным примером о важности философии жизни в интеллектуальном обиходе академии². Отправную точку их философского положения, пожалуй, можно найти как раз в выдвинутом Риккертом против Зиммеля возражений³ о его невозможной попытке отыскать примирение между формой и жизнью, между Гераклитом и Парменидом, выражаясь словами самого Зиммеля, или между потоком истории и «тем, что несется в его волнах»⁴. И конечно, здесь вопрос о личности играет главную роль. Еще раз, как по поводу экспрессии и биографии, проблема состоит в потребности подхода к личности и индивидуальности, а не как к царству чистого эмпирического психологизма, но как к предмету принципиального анализа⁵.

Проблема личности возникает и в изобразительном искусстве, где, вероятно, следуя по стопам знаменитого очерка Зиммеля 1918 г.⁶, поставлен вопрос о портрете, т.е. о той специфической форме живописи, которая проистекает из встречи двух индивидуальностей: художника и его модели, и, как следствие,

брандт рассматривается здесь как символ отношения к жизни и времени противоположного классического Ренессанса (и по этому поводу постоянное внимание, которое гахновцы уделяют барокко, требует отдельной трактовки). У Рембрандта, по Зиммелю, целью является не тип или форма, в которой абстрагируется некая завершенная сущность целого существования, а выявление и представление самого движения во времени, где всякое мгновение содержит в себе единство всего потока. Здесь форма рождается из жизни, не подавляя ее текучести.

¹ Габричевский А.Г. Пространство и время в искусстве Рембрандта. Отчеты ГАХН 1921—1925 гг. М., 1926.

² Габричевский А.Г. (ред.). Искусство портрета. М.: ГАХН, 1928. Как часто бывало, и этот сборник тщательно и долго готовился в работах разных комиссий разных отделов и секций академии. Уже с 1924 г. план работ Комиссии по изучению форм философского отдела расширялся, распространяясь и на пространственные искусства. Сборник о портрете является результатом ее деятельности.

³ Rickert H. Die Philosophie des Lebens: Darstellung und Kritik der Philosophischen Modeströmungen unserer Zeit, J.C.B. Mohr. Tübingen, 1922. С. 70—71.

⁴ «Что важно исторически: самый поток истории или то, что несется в его волнах?». Шпет Г.Г. Философия и история // Шпет Г.Г. Мысль и слово... С. 197.

⁵ Габричевский А.Г. Портрет как проблема изображения // Искусство портрета... С. 72.

⁶ Simmel G. Das Probleme des Porträts // Simmel G. Gesamtausgabe... Т. 13. С. 370—381.

особым образом связанной с биографией. Портрет становится больным вопросом эпохи, потому что, как замечает Габричевский в своей работе «Портрет как проблема изображения», он представляется наглядным выражением структуры личности и находит свою специфику во «внутреннем биографическом моменте». Итак, как проблема о самой возможности, самой законности изображения человека поднимается вопрос о личности: «...после долгого периода исканий последних десятилетий, направленных не столько на человека, сколько на вещь, искусство, в особенности у нас, как будто снова возвращается к изображению человека». Биография и портрет тесно связаны и отвечают на потребность эпохи снова открыть личное начало как в искусстве, так и в жизни¹.

С точки зрения социологии, актуальность и проблематичность портретирования и его связь с вопросом об индивидуальности отмечал А.А. Сидоров, ученый секретарь академии: «Проблема портрета стала очень насущной ныне. Почему? Потому ли, что мы второй раз после Греции переживаем трагику иконичности, в силу которой было запрещено быть слишком героем и утверждать себя в яркости, рядом с коей обыденность казалась бы серой?»²

Но авторами сборника движет принципиально другой теоретический интерес, предпосылки которого явно покоятся в феноменолого-герменевтическом подходе Шпета, где, как уже отмечалось, центральным является понятие структуры и дильтеевского парадокса переплетения общего и индивидуального в типологическом понимании личности. Свое исследование о структуре портрета, например, А.Г. Цирес строит по модели изучения Шпетом поэтического слова: «Портрет из изображения личности становится изображением её *ноэматике*, *изображением мира сквозь личность*»³. Еще раз возвращается термин *ноэма*, который, по Гуссерлю, был объективным аспектом переживания, рассматриваемого, однако, в способах его выражения, в его данности. Для того чтобы определить сущность портрета, Жинкин прибегает к феноменологическому анализу форм портретирования, к поиску его специфической внутренней формы. Его не удовлетворяет чисто номинальное определение (и здесь ясно обнаруживается различие Шпетом номинальной и «семасиологической» функции знака⁴) абстрактной логики, так как предмет надо рассматривать в

¹ Жинкин Н.Н. Портретные формы // Искусство портрета... С. 7–52.

² Сидоров А.А. Портрет как проблема социологии искусств // Искусство. 1927. Кн. 2–3. С. 5.

³ Цирес А.Г. Язык портретного изображения // Искусство портрета... С. 91.

⁴ Так, между прочим, уточняет Жинкин, «понятие внутренней формы я беру в том смысле, как его употребляет Г.Г. Шпет. Это понятие применительно к словесным формам было им применено в эстетических фрагментах, далее развито в устном

качестве «структуры объективных форм»; формальный анализ отнюдь не формалистский и отвлеченный, он и есть высшая степень конкретности в своем структуральном, а не схематическом, подходе: только через исследование формы предмета можно конкретно выделять его в связи с другими предметами и в то же время познать его как единый и индивидуальный: «именно через анализ форм мы приходим к конкретному содержанию предмета, понятого одновременно в специфичности и в общности. /.../ подлинный анализ форм имеет в виду установить содержание и структуру предмета через пересечение разных форм в их взаимоотношениях»¹. И это тем более нужно, если речь идет о таком особом предмете, которым является личность: «В действительности, личность понимается из соотношения конкретных структур и форм, которых не есть две, а гораздо больше, и отношение между которыми есть совершенно особое специфическое отношение *фундирования*»².

Все авторы книги о портрете озабоченно стараются избежать психологизма: вслед за Зиммелем они, хотя и утверждают, что искусство очень интересуется личностное начало, знают, что портретирование отнюдь не вспомогательное средство психологической передачи личности. Зато форма личности является средством для воплощения эстетического акта. Как и для Зиммеля, искусство никогда не психологично, оно не может служить переходом к чему-то другому, чем оно само. Как раз именно эстетическое измерение гарантирует особую цельность веками искусственно раздробленной в теле и душе личности, которую современная «отвлеченная» психология растворяет в потоке представлений³. Своей чудесной наглядностью преодолевает предубеждение о разделении внутреннего и внешнего: «само это -внутреннее- мы видим -снаружи-, но особым взглядом, т.е. особым актом /.../ аналогично тому, как мы видим кастрюлю из семи звезд Большой Медведицы»⁴.

докладе о Гумбольдте и теперь изложено в специальном исследовании «Внутренняя форма слова». ГАХН 1927 г.». *Жинкин Н.Н.* Портретные формы... С. 29.

¹ И еще: «С этой точки зрения, всякая форма есть, строго говоря, форма внутреннего, так как, возникшая среди разных элементов, она их объединяет в целое, внутренне строит и организует. Но форма, сама становясь предметом 1-го порядка, на котором возникает новая форма, оказывается внешней, но уже не как форма, а только как фундирующий ее момент». *Жинкин Н.Н.* Портретные формы... С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Здесь Жинкин имеет в виду Уильяма Джеймса. *Жинкин Н.Н.* Портретные формы... С. 20–21.

⁴ *Жинкин Н.Н.* Портретные формы... С. 17.

Но и здесь, вслед за теорией знака Шпета, различающей между объективным актом референции (выражение) и субъективным отношением субъекта (экспрессия)¹, искусство портрета определяется изобразительным («функциональная связь между изображением человека и индивидуальной конструкцией картины»²) и экспрессивным: из этой последней функции состоит биографический его момент, личностная специфичность портрета.

Как и у Шпета, у Винокура, таким образом, сфера личности, субъективности как будто ограничивается чисто экспрессивным моментом семиотического акта, она не может быть выражением значения, а только экспрессией сознания, которое *только* сопровождает собственный предидирующий процесс. Но и авторы сборника о портрете сознают всю трудность этого положения и чувствуют потребность подчеркивать тесную связь, чуть ли не напряжение между этими двумя полюсами: «в портрете как таковом чисто конструктивные формы, схема построения картины как вещи как бы совсем и до конца растворяются между двумя встречными движениями, между выражением и экспрессией /.../ Картина, как экспрессивное целое, есть настоящее внутреннее единство портретного изображения, в котором индивидуальность модели и индивидуальность художника сливаются в новое единство, подобное тому единству, которое возникает между актером и его ролью»³.

Прав Жинкин, когда считает отличительной чертой эпохи (и какой эпохи!) недостаточно выработанную теорию о личности⁴.

¹ Все это отражается и в «Биографии и культуре» Винокура. Переживание он определяет как связь личности и истории, но может посмотреть на переживание и с точки зрения экспрессивности: «Здесь событие для нас уже не выражение внутреннего, не внешняя форма переживания, а только жест, поступок, манера переживающего» (С. 47). Для Винокура эта экспрессивная функция переживания — где собственно выражается отношение субъекта к тому, что он переживает — сопровождает, «окрашивает» (он употребляет тот же термин Шпета) основную предидирующую функцию переживания (его укоренение в истории). Эти экспрессивные формы биографии он называет формами поведения по аналогии со стилистическими формами, которые в поэтике, по Шпету, сопровождают собственные подлинные эстетические формы. Таким образом, как будто существуют два единства: объективное, историческая структура, где биография разветвляется, и другое, субъективное, которое своим *стилем* окрашивает и окутывает ее, некого рода *со-значение*. Как и у Шпета, у Винокура отношение между выражением и экспрессией остается неясным и как-то нерешенным, поскольку если экспрессия ограничивается чистым указанием психологического состояния субъекта, ей трудно придать настоящий семиотический *status*.

² Габричевский А.Г. Портрет как проблема изображения... С. 72.

³ Там же. С. 74.

⁴ Жинкин Н.Н. Портретные формы... С. 51.